

Владимир Коркин
(Миронюк)

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

и другие горизонты событий

Skleněný můstek

2015

Владимир Коркин
(Миронюк)

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

и другие горизонты событий

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PŠČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Молодой украинец Александр Миланюк уходит добровольцем на фронт, направлен в резерв 8-й армии Юго-Западного фронта. В ходе Брусиловского прорыва оказывается в водовороте событий 1-й Мировой войны. Вместе с другом, тоже нижним чином, был ранен и контужен. Лазареты, госпитали. В Сибири его направляют в офицерскую школу. Подпоручиком он влился в Освободительную армию адмирала Колчака. Не будем пересказывать сюжет повести. Немало приключений в боевой обстановке той поры довелось ему испытать. Но даже в отрогах седого Урала он помнил Волынь, родной дом отца, кипень цветущего сада, свою девушку Марту. Его друг-авиатор помогает Александру выбраться в Ярославль. А потом Москва и родина. Годы жизни, когда Западная Украина в составе Польши. Миланюк – успешный человек. Вторая мировая война разрушила уклад жизни его семьи, как и многих других. Ему удаётся вырваться из лап немцев, он оседает в Закарпатье. А его семья в 1941г. репрессирована, отправлена на Крайний Север. Жизнь его обрывается во время облавы красноармейцев на дальние хутора земли, приютившей его.

P.S. исторические справки, в том числе, включенные в ХРОНИКИ событий 1-й Мировой войны и Гражданской, почерпнуты из материалов, предоставленных к услугам читателей в Интернете и подготовлены надлежащим образом в соответствии с сюжетом повести.

© Владимир Коркин (Миронюк) 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-64-8

Содержание

Юго-Западный фронт и другие горизонты событий

**Дом остался без присмотра
На войну потянула добрая воля
Нижний чин и экскурс в историю
Что рассказал друзьям Тимоха Старко
Фронтовые будни новобранцев
Этот странный австрияк
Кочевали из лазаретов в госпитали
Подпоручик Миланюк
Ветер перемен
Военные будни речного похода
Хвори не обошли его стороной
Введение в хронику событий начала
Гражданской войны
Хроника событий и боевых операций**

ХРОНИКА

**В отрогах седого Урала
Сомнения Сазонтьева
Курс – не в Архангельск
Знакомство в Ярославле**

**И был мятеж. И любовь была
В Москве
Здравстауй, родная Волынь!
Чем обернулась помощь партизанам?
Жизнь продолжалась
Вещий сон
Двойник – незнакомец
Куда вёл клубок нити
В горном хуторе
На горной заставе
Пуля-дура
На краю вечной пропасти**

РАССКАЗЫ

**Скрипач Гоша и другие
Лебедь с перебитым крылом
Милость старого монарха
Старый Калён
Завгар Бакалейкин
Корона планеты ИЗО (Сказка)**

Юго-Западный фронт и другие горизонты событий

Дом остался без присмотра

Александр остался доволен: свояк нашёл ему место заправщика на складе горюче-смазочных материалов. Не беда, что весь день надо крутиться, бестолку терять время не позволяла натура крестьянская и делового человека. И тоска по семье душу не бредила. Его устраивало и то, что укрытые в подземном бункере ёмкости, спроектированы и построены поляками. Здесь предусмотрена даже мелочь, ставящая заслон любому ЧП, кроме, конечно, прямого попадания авиабомбы и террористического удара. Ему тут вообще с руки: надёжная охрана, причём в её составе двое не молодых солдат – разводящих караула из вольнонаёмных земляков. Заправлять транспорт из его родного села ездят на ближайшую железнодорожную станцию. А сюда им не с руки, кому охота петлять вдоль болота, пересечь речку по старому мосту, после колобродить по грунтовке, раскисающей после дождей. Ему то до дому всего ничего. Ступи на лесную, всегда почти сырую тропу, да напрямик чуток поболее полутора километров прошлёпай и всё – дома. Удобно: за старыми амбарами сельчан, где хранится на всякий случай разная утварь и рухлядь, незаметно для посторонних глаз выйти к своему дому, что за высоким забором. Лаз – вот он: вытащить ногтем за толстую шляпку широкий гвоздь из просверленного отверстия, повернуть широкую доску влево, и шагнуть в радующий глаз большой сад. За ним с любовью выстроенный просторный дом, где предусмотрены комнаты для будущих семей – старшей Наденьки, сына Семёна, младшей дочери Галюни и, конечно, для него и Марты. И сейчас, после натужной смены, когда принимал бензовозы, ёмкости с мазутом,

соляром, машинным маслом, Миланюк, покусывая травинку, неспешно топал в грубых ботинках по галечнику, чертящему русло пересохшего ручья. В воздухе витала осень. Он размышлял о превратностях судьбы. Совсем недавно он был уважаемым человеком в родном селе, зажиточным крестьянином, даже купцом, привык, что односельчане звали его пан Александр. Считались с ним и местные чванливые польские чиновники. И ушло было, почти за двадцать лет в прошлое, сознание того, что его родная Волынь и вся Западная Украина была оплотом России на стыке с австро-венгерской монархией. Ему, познавшему горнило Первой Мировой войны, как и всем землякам, пришлось стать польскими гражданами. Они приняли это событие не очень-то благосклонно. Поскольку тут издревле селились их прадеды и деды. Давненько русичи перемешались в браках с украинцами, которых имперские чиновники звали малороссами. Но уже не было прежней могучей России: на её просторах беспримерно жестоко, как писали польские газеты и рассказывали очевидцы, вернувшиеся оттуда, правила неведомая прежде большевистская власть. Даже высокомерие польской шляхты не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось на их прежней родине. Особой болью отдавалось в сердцах жесточайшее преследованием православия в стране, которая некогда была их отчиной. А массовые там репрессии всех слоёв населения вызывали горечь и чувство глубокой неприязни. Почти за два десятилетия под эгидой Польши волыняне, невзирая на притеснения родного языка, передачу ряда церквей в лоно католиков, сумели приобщиться к культуре Запада, к иной цивилизации, где крестьян не загоняли в колхозы, не обескровливали их самую зажиточную прослойку – опору села. И кто мог открыто роптать, что государственный язык польский? Как ни крути, да ведь это уже была земля Польши. И вот нате вам: годы сытой, свободной жизни закончились с приходом красных войск и советов – власти, которой они опасались. Друзья сообщили Александру, что в сельсовете составляются списки местных богатеев, в числе первых те, кто нанимал батраков, рабочий люд. Значит, размышлял он, польские газеты не врали. Будут и тут раскула-

чивать. Что ж, он ради семьи был готов смириться, отдать часть имущества в колхоз. За старшую Надию не беспокоился. Умна. Два года назад очень прилично закончила польскую гимназию, сейчас студентка учительского института. Год назад взяли её в соседний уезд, где ощущалась острая нехватка украинских преподавателей, учителем начальных классов. Перевелась на вечернее отделение, благо сельская школа под боком у вуза. Ну, Сёма – парубок, школяр пока. А младшенькая Галочка совсем девчонка. Жена Марта занята по хозяйству. Что ему опасаться? Он в селе никого не эксплуатировал, сами люди приходили к нему, просились в наём. Никому не отказывал. Платил за труд без обмана, согласно договору. Сам-то он разворотливый, умеет вести дела. Неужели за то, что стал зажиточным, и сам, не покладая рук, работает на своей земле, да ещё помогает сельчанам безвозмездно составлять в инстанции разные обращения и заявки, даёт советы дельные, кормит и семью и подёнщиков – его уведут в кутузку, насильно лишат нажитого? Не могло такое быть, то не по правилам, не честно. Неужели красные не понимают, что они были под Польшей, жили по законам той страны, где хозяйская сметка, предприимчивость не ставились в упрёк? Так думалось ему. И не верилось, что его семью непременно депортируют, а имущество конфискуют. Однако друзья, тоже бывшие фронтовики и участники Брусиловского прорыва в Первую мировую войну, уверяли, что он в «черном списке» советов. Знакомый юрист из Луцка посоветовал ему незаметно перебраться в соседний район, в лесную глушь, и притаиться там, пока не пройдёт какое-то время.

– Александр, – говорил он ему, – нехай твоя жинка красным гуторит, що ты уехал по делам и на заработки на Житомирщину, а оттуда будто бы хотел податься в Белую Русь, а куда, мол, не сказал, обещал письмо прислать. У тебя только Надия взрослая, да и то училка в школе и студентка в Луцке. От тебя независима, дел выше головы, с тобой в переписку и сношения с семьёй не вступает. Марта – вся в хозяйстве по дому, а ещё двое детей – парубок Сёма и мала Галя. Ну не посмеют твою троицу ни за что, ни про что турнуть в Сибирь.

Вот он и устроился в глухомани на работу, свояк будто по ошибке поставил в ведомости его фамилию как Миланюкин, бывший рабочий с Житомирщины, потерявший документы во время немецкой бомбёжки и легкой контузии. Живёт в халупке при складе, ничем не интересуется, всё тоскует по семье, погибшей в соседней области. Кто будет тратить время на проверку какого-то работяги?

На войну потянула добрая воля

Давно собрана вишня, кто хотел, и кому предстояло играть свадьбу, нагнал горилку. Все проблемы у счастливиц и их родителей сводились к одному: больше скопить злотых, да как продержаться дня три, чтобы после сельчане цокали языками, вспоминая на завалинках, как добре гуляли на той вот свадьбе. Вот и в соседской большой хате спроворили играть свадьбу. Старика, старуху Миланюк и их сына Сашко пригласили быть всенепременно. А то, как же: живут семьи мирно, да и свежая рыба из пруда Миланюка очень даже сгодится. За праздничным столом в саду хозяев и обменялись впервые взглядами Марта Каленичук и он, Сашко. Стройная, хрупкая блондинка с польскими корнями в роду, с тонкими чертами лица запала в душу парню. И он, видать, был ей по нраву. Незаметно для других присматривались друг к дружке на посиделках, хороводах. Так и настал час, когда в их сердцах проснулась нежность. И тёплая волна слегка туманила им голову, когда девичья ладонь покойно умещалась в тёплой ладони парубка. Настал сладкий вечер, когда он, провожая дивчину домой, слегка приобнял её и нежно поцеловал сначала в уголок рта, после в ароматные губы. И тут на тебе: с австрияками открылась война, враг неумолимо приближался к их селу. Первая партия новобранцев ушла в город на призывной пункт. Сашко прекрасно сознавал, что пусть и не в этом году, а в следующем ему всё равно забреют лоб, и он, крепкий парубок, ещё вволю повоюет с германцами, покажет им, как целить из винта в родную нэньку-Украину. А когда после крестьянских трудов голова плот-

но припечатывала подушку, перед глазами вставала Марта. Ему казалось, что она краше всех девчонок.

Марта, проводив Сашко в армию, затосковала было. Как он ей люб! Как она мечтала поскорее увидеться с ним. Её любовь к Сашко Миланюку так трепетно вошла в её сердце. Она знала: и Александр любит её без памяти. Односельчане, они до свадьбы жили в противоположных концах Романовки. Он – из семьи крестьянина-середнячка, гнувшего горб на своей пашне; хорошо их выручал большой сад, просторный огород да зарыбленный пруд: с городского рынка звенели золотые в кошельке батьки, да не вдоволь. Хата ничем особым не выделялась. Как и все вокруг – побелена, но крыша, как у многих, не соломенная, а покрыта старым тёсом. Ставни узорчатые. Родители Марты считались зажиточными, семью кормили мельничка, маслодельня, сапожная мастерская – одна на всю округу, коровник и свинарник. Учились Саша и Марта в разных школах, и друг о друге мало что знали. Встречались разве что в церкви. Они познакомились осенью на свадьбе Аннуси – лучшей подруги Марты. Потом отец, покумекав, послал Александра в ближний город Луцк учиться на бухгалтера. Верно решив: с корочками сын и дому принесёт пользу, и в случае нужды не останется без куска хлеба, найдёт работу. Полугодовые курсы Александр закончил блестяще, без труда составлял дебет с кредитом их хозяйства, чем привёл отца в неистовый восторг. На радостях старик вечером пригласил в хату дружков, хватил вволю горилки и впервые проспал зарю. Утром велел впрячь в двуколку лошадей, поручив Сашко объездить рынки и торговые дома Луцка и Ковеля, чтобы вызнать, какой сельский товар, да чтоб с выгодой для себя, можно предложить местным воротилам-торговцам. Блокнот с заточенным карандашом уместился в нагрудном кармане. Сашко впервые отправился в путь выполнять важное поручение батьки. На выходе из села сворачивала на пыльный большак тяжело загруженная телега дядько Каленичука. «Небось, старик повёз в город на продажу муку и масло, никак, сбили. Да и бидоны с молоком. Догоню, хоть словом с дядькой Иваном обмолвлюсь, – решил он». Налегке что же там не догнать телегу с

тяжёлой поклажей. Вот они поровнялись. Поздоровались. Оказывается, отец Марты тоже держал путь в Луцк.

— Так ты, Сашко, уже вышел в учёные люди? — спросил дед Иван, важно затягиваясь папиросой.

— Та ни, я покуда по корочке всего лишь счетовод, с правом составлять отчётность, — потупился его попутчик.

— Эге, так то твуй шанс выйти в дюже большие писарчуки. Батька твой швыдкий хрестьянин, да помалу и купец. Он охоч до языков, а ты как?

— Дядько Иван, ко мне тоже языки липнут, быстро розумею разну мову. Особо, когда с батькой по рынкам ежду. Мечтал, вестимо, стать образованным. Так хлопот по хозяйству сколько! Да и грош солыдних на учёбу немае. Та и батько не парубок, ему треба добре помогать.. Та и вийна на порози хат. Вот-вот нам ходить на нимця. Нашему брату скидок немаэ. А в царску гвардию на кошт не поставят.

— И то, правда, Сашко. Ты парубок дюже крепок. На службу, видать, и коня и сбрую уже справил?

— Есть такое дело, дядько Иван. Хочу в казачью донскую конную дивизию, мабуть кого из хлопцев с родины отца побачу. Такая вот думка. А ежели по секрету, так мечтаю продвинуться по военной службе.

— Добре, хлопец.

За разговорами, прибаутками, самокрутками с табаком-самосадам дорога и время приблизили их к окраине Луцка. Тут они распрощались, дороги развели их в разные стороны. В доме одного купца Александр встретил Николу, школьного приятеля, служившего тут помощником приказчика. Друзья направились поболтать в приусадебную беседку. Самая свежая весть Николы — о вернувшемся с фронта по ранению и контузии Семёне Солодко. Тот оказался в числе защитников крепости Осовец, форты которой, даже оснащённые устаревшими орудиями, сломали зубы немецкому оскалу. Несмотря на значительный перевес в артиллерии и живой силе, противник долго не мог преодолеть сопротивления русских воинов. Никола прервал повествование, спешно пошёл

на зов хозяина. Спустя какое-то время, вернулся, и не один, вместе с прихрамывающим унтер-офицером Солодко. Сашко вышел из беседки, пошёл им навстречу. Они обнялись, как старые знакомые. Николай оставил их наедине:

– Хлопцы, я мигом – принесу пивка и солёных бубликов.

Не успели приятели обменяться приветствиями, а Коля Гороховец уже ставил на столик три кружки пива и тарелочку с бубликами. И потекла плавно беседа. По просьбе Александра фронтовик рассказывал:

– Так крепостица наша Осовец была невдалеке от границы с Пруссией, Восточной. Надёжно укрыта в песчаных холмах. Когда зимой пятнадцатого года немцы попёрли на Белосток, им наши фортеции было никак не миновать. Помнится, передовые части пруссаков мы увидели 21 февраля.

– И что мы выставили против австрияков? – поинтересовался Сашко.

– Вот тут-то, другарь, большая закавыка. Немчура превосходила нас во всём. В крепости из двух сотен орудий «тяжелых» было чуть боле семидесяти, остальные старьё, но обслуга вылизывала их, как кот яйца. Вражё колошматило фортецию многими десятками мощнейших орудий. Так что знаю, каково приходится под обстрелом двухсот десяти, трехсот пяти и даже страшенных четырёхсот двадцати миллиметровых гаубиц: затыкай от канонады уши и молись Господу о спасении.

– Это эти чушки прозвали «большими Бертами»? – спросил Никола.

– Угу, они самые, будь неладны. Один осколок мне ногу и покалечил. И ползунов их острокасочников – видимо-невидимо. А меткачи оказались наши ребята – артиллеристы: сказывали, что даже несколько «Берт» пустили в распыл. И ни шиша до августа нападавшие ничего не могли поделать. Верите, у нас было такое ощущение, словно за нами, фронтовиками, стоит вся Русь. И мы держались. Никак помнят наши контратаки пруссаки грёбанные. Да и командир был у нас геройский – генерал Николай Александрович Брозовский.

– Что же в августе надумали пруссаки? – нетерпеливо встал Саша.

– Страшнее не придумать, – задумался Солодко. Вздыхая, продолжил:– Помнится, шестого августа ранним утром супо-
задые саданули по цитадели из множества батарей артогонь и
выпустили страшный газ хлор. Три роты Землянского полка газ
начисто задушил, от стольких же рот нашего Задонского полка
в живых было несколько отделений. Через время мы пошли на
штурм. Какая ж ненависть к врагу, вера в Господа и царя нашего
батюшки подняла офицеров и солдат в штыковой бой. Предста-
те, хлопцы: братва намотала на морды тряпье, у многих в груди
один хрип, так нутро прожгло, кровь стекает с обмундировки, а
они за веру, царя и отечество со штыками наперевес! Не выдер-
жала немчура, отхлынула. Лишь подчиняясь приказу «сверху»,
наш генерал вывел остатки гарнизона из Осовца, и сам 22 августа
взорвал крепость. Вот как мы умели воевать, ребята.

Нижний чин и экскурс в историю

Доброволец Сашко Миланюк вошёл в призывной список
весной шестнадцатого года. Включён под разверстку годового
призыва между губерниями и областями. И вот с составленными
уездным присутствием на каждого из новобранцев приемными
формулярными списками, сданных местному уездному воинскому
начальнику, ребятам объявили срок явки на сборные пункты. Едва
они успели попрощаться с родными и своими девчонками, как в
составе особой маршевой команды – в путь. Бренчат в кармане
кормовые деньги. Их войсковое соединение недалеко. На прива-
лах новобранцы судачили о вредных австрияках, начавших войну.
Ну, убили их эрцгерцога в Сараево, так что теперь – всю Европу
ставить на дыбы? Газеты ж писали, что австрийцы сами плохо ор-
ганизовали охрану Франца Фердинанда. Не то что заговорщики,
а любой из толпы мог свободно подступить к наследнику трона.
Причём тут русские? Разве они убивали эрцгерцога и его жену?
И вообще в простонародье и не думали о войне. Даже сперва в
европейских странах не особо обратили внимание на трагедию в

Сараево. Всем было известно, что на Балканах вечно какие-то казусы, то и дело кого-то убивали. Правда, разбирающиеся в международных делах люди насторожились: царь Николай срочно прервал путешествие по Финскому заливу. И министр иностранных дел России Сазонов, не мешкая, вернулся из отпуска. Как только австрийцы поняли, что Германия и Венгрия их поддерживают, они начали боевые действия. Это случилось в конце июля: в 5 часов утра австро-венгерская артиллерия через Дунай ударила по Белграду. И весь день наводила ужас на горожан. Россияне понимали, что их родина не могла остаться в стороне, отдать братский народ на уничтожение. В России всеобщая мобилизация началась 31 июля. До этого числа селяне Романовки живо обсуждали события в Европе. Читающая публика брала газеты нарасхват. Ещё бы, кто знает, как оно всё обернётся, ведь постепенно обстановка накалялась. Успокаивало одно: Россия стремилась сохранить мир, даже обращалась к белградскому правительству проявлять выдержку, не конфликтовать с Австро-Венгрией. Сербия последовала этому совету, пошла на пересмотр некоторых экономических соглашений. И местные уездные чины, показывая свою осведомлённость, намекали, дескать, правительство готовилось оказать балканской дружественной стране значительную помощь военными материалами. Так что в случае чего славяне смогут постоять за себя. Однако 23 июля Сербии вручили ультиматум. В ноте враждебно настроенной страны белградское правительство обвинялось в антиавстрийских настроениях и в том, что убийство эрцгерцога было подготовлено в Белграде. Вена требовала прекратить националистическую пропаганду, направленную против империи, и выдвинула другие ультимативные предложения. Россияне чуть позже изумлялись, как это получилось, что в момент нарастания конфликта в Белграде в ту пору не оказалось никого из главных руководителей государства. Например, король Петр I Карагеоргиевич уехал на лечение, оставив вместо себя регентом молодого и малоопытного сына. За пределами страны были начальник Генерального штаба и его заместитель. Тем не менее, сербам удалось в кратчайшие сроки дать австрийцам, как говорится,

разумный ответ на ультиматум. Казалось, не осталось оснований для объявления войны со стороны Австро-Венгрии. Увы, все усилия российской стороны по мирному урегулированию конфликта – переговоры с рядом стран Европы и с австрийским послом не увенчались успехом: утром 28 июля 1914 года империя объявила войну Сербии. Та реорганизовала Верховное командование, весьма быстро провела мобилизацию армии. Австро-Венгрия и Германия наращивали военные мускулы, последняя потребовала отмены всеобщей русской мобилизации, а на отказ, 1 августа объявила войну России. Словом, в считанные дни вместе с Россией и Сербией против объединённых усилий германцев и австрийцев выступили Франция и Англия, другие европейские государства и США объявили нейтралитет. Однако война набирала обороты. Неумолимая статистика показывает: в ней участвовало 38 стран с населением полтора миллиарда человек, в действующих армиях насчитывалось свыше 29 миллиона «штыков»; было мобилизовано 77 миллионов человек. Конечно, солдат не интересовала политическая подоплёка событий, какие там страны и что они хотели захватить, или вернуть в свои владения, каждый мечтал о победе только своей державы.

Жители Романовки вначале войны сопереживали со своей армией, которая в ходе Восточно-Прусской операции потерпела поражение. Зато уже в сентябре русские войска овладели значительной территорией Галиции, взяли Львов, вышли к Висле, осадили Перемышль, заняли Черновцы и немалый кусок Буковины. Селяне, старые и молодые, от треволнений буквально грызли ногти на руках, когда развернулись бои в Польше, где в жарких схватках схлестнулись свыше 800 тысяч воюющих. Несколько похоронок пришло в ту пору и в Романовку. Люди начали сознавать опасность столкновения в Европе после того, как в войну на сторону врагов вступила в октябре Турция. И всё же была радость: кампания 1914 года принесла успех Антанте, в Галиции и Сербии австрийцы разбиты, турки под занавес года и в начале пятнадцатого были повержены в Закавказье под Сарыкамышем. Правда, натиск наших армий в Восточной Пруссии германцы отразили.

Конечно, в Рождество было приятно получать победные ре-
ляции с фронтов. Однако любой здравомыслящий россиянин со-
знавал, что война на-ура! не окончится, впереди их ждёт немало
испытаний и наверняка не один год боевых операций. Пока же на
занятых территориях была ликвидирована австрийская система
местного управления; ее заменили губернские и уездные учреж-
дения. А с ними пришла русификация и недовольство коренных
жителей. Романовку реформы не коснулись, земля издавна была
русской. Люди жили себе, как и раньше. Никто не помышлял о
неких переменах в укладе их жизни. Население полагало, что всё
как – nibудь постепенно обойдётся и утрясётся. Да вот Германия
спутала карты, приняв решение нанести в пятнадцатом году глав-
ный удар по русским позициям. Селяне Романовки даже приуны-
ли: натиск германцев не удалось сдержать, 2 мая был сдан Львов,
войска кайзера оккупировали большую часть Галиции, Польшу
и некоторые прибалтийские земли. До фронтовой полосы земле-
пашцам – почти что рукой подать. Зато, как рассказывали свояки,
вернувшиеся домой после ранений, наши давали крепко прику-
рить туркам. А сербам не повезло: Болгария, вступившая в войну
на стороне противника, разгромила соседа.

Многое бы осталось для жителей Романовки в тени, если бы
не гость и родственник одного богатого торговца – подполковник
Осадчий, приехавший сюда в краткосрочный отпуск после госпи-
таля.

Что рассказал друзьям Тимоха Старко

С волнением слушали будущие новобранцы пересказ Тимо-
фея Старко, сына богатея о том, что ему довелось услышать из
разговора его отца с подполковником.

– Так что бы тебе поведать, друг мой Павло? Война – тяжкая
ноша. Вначале мы австриякам крепко наkostenяляли, показали им
кузькину мать, – смеясь молвил полковник, и опрокинул в рот
хрустальный бокал со смирновской водкой. Смачно похрустел
малосольным огурчиком, пожевал квашеной капустки, искушать
изволил сочной бунины, похвалил домашние пирожки с пече-

нью и картошкой, посмаковал ароматный чай, восторженно проглотил крохотный срез французской булочки с вишнёвым вареньем, откусывал майского медку. Выкурил ароматную папироску.

И, неспешно смахнув салфеткой жирок с губ, продолжил:

— Однако к концу пятнадцатого года враг нас крепко потеснил. А осенью в направлении Броды – Луцк – Чорторийск бились мы жестоко. Много полегло и наших воинов и неприятельских. Их кровью пропитаны земли у Киверцов, Ковеля, Ровно, Дубно, Луцка и других районов Волыни. При отступлении с Галичины ушло вслед за нами много беженцев, более полумиллиона.

— Про то знаем, — поддержал разговор Павло Старко. — С сотоварищи я поставлял в открытые для них столовые, медицинские и продовольственные пункты разную снедь. По делам доводилось бывать в некоторых ротных канцеляриях в уезде Дубно, и даже во Владимир-Волынске — в казначействе армейского корпуса. Жертвовал продукты лазаретам. Бывал, конечно, там, где австрияками не пахло. Оккупация наших земель, полковник, продлилась аж до июня шестнадцатого года.

— Павло, а мы с тобой где-то разминулись. Меня легко ранило в плечо и я малую толику подлечился в лазарете Владимир-Волынского. К слову, раненые хвалили лазарет в Житомире.

— Бывал и там. Его архиепископ Евлогий открыл в больницах духовной семинарии, женских духовных и мужского училища. Сердца солдатам ещё под Ровно грела Великая Княгиня Ольга Александровна со своим отрядом Красного Креста.

— А, знаешь ли, друг мой, что в тяжкие месяцы оккупации Волыни царь Николай прибыл в распоряжение нашей восьмой армии, именно в район артобстрела. И вот по предложению командующего фронтом Иванова царя-батюшку наградили Георгиевским крестом 1У степени. Ну, как в память о том его приезде сюда, на фронт.

— От тебя, полковник, сейчас это узнал. Миряне благодарят Господа да Почаевскую икону Божией Матери — её ведь крестным ходом обнесли по епархии. Свет их и помог после воям нашим одолеть врага.

Позже, когда сыны сельчан уже носили военную форму, как родители волновались за них, зная о последствиях Брусиловского прорыва, когда австрийцев выкинули из Луцка, Почаева, Дубно... Схватки были просто жуткие. Но, слава Господу, дети их живы.

Историческая справка

Январь: генерал Алексеев доложил, что численность действующей армии составила 2 млн. человек.

21 февраля: начало германского наступления на Верден (Франция).

24 февраля: Ставка рассматривала Нарочь как место следующего наступления, намечавшегося на апрель.

18-19 марта: русское наступление в районе озера Нарочь в ответ на требования французов о диверсии против немцев.

Конец марта, потери в Нарочской операции составили 120 тысяч человек.

Апрель: немцы отвоевали территорию, потерянную у Нарочского озера. Генерал А. А. Брусилов назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

14 апреля: Ставка приняла решение о том, что основное наступление 1916г. должно наноситься силами Западного фронта, содействие же оказывалось Юго-Западным фронтом.

20 мая: успехи австро-венгерского наступления в Италии вынудили итальянского короля обратиться к царю за помощью. Подготовка Западного фронта еще не была завершена, но Брусилов согласился вести наступление своим фронтом.

4 июня: начало «Брусиловского прорыва». Все четыре армии Юго-Западного фронта (8-я, 9-я, 7-я и 11-я) подвергли артобстрелу австро-венгерские позиции; новые методы артподготовки вызвали хаос, русские прорвали первую и вторую линии позиций австро-венгров.

5 июня: 8-я армия прорвала третью австро-венгерскую линию обороны.

Германский натиск у Вердена поставил французское командование в затруднительное положение, заставил западных союз-

ников просить содействия русских войск. В результате операций значительная часть австро-венгерских армий была разгромлена. Русские войска продвинулись вглубь Буковины и Восточной Галиции. Было взято в плен почти девять тысяч офицеров и свыше 400 тысяч солдат, захвачено свыше полтысячи орудий, почти 1800 пулеметов и большое количество другого военного имущества. Германия вынуждена были снять с западноевропейского театра одиннадцать дивизий и бросить их на восток; австрийцы перевели с итальянского фронта шесть дивизий.

На Кавказском фронте, развивая наступление, русские войска 16 февраля 1916г. овладели Эрзурумом, 18 апреля Трапезундом.

Военная кампания 1916г. принесла успехи странам Антанты. Германскую коалицию вынудили перейти к стратегической обороне на всех фронтах.

Фронтовые будни новобранцев

Недолго пробыл в учебке новобранец Сашко Миланюк. В полевом военном лагере познав первые премудрости службы отечеству, его в большой группе новоиспеченных нижних чинов, принявших присягу, отправили под командованием прапорщика в пехотную дивизию 4-го кавалерийского корпуса 8-й армии. В запасной полку в одном блиндаже с Александром обживался Степан Хмелько, родом с Житомирщины.

— Степан, а что за казак с тобой недавно балакал?

— То ж земляк, с соседнего хутора. Он уже успел пороха понюхать. Скоро год как с кайзеровцами бьётся. Да, Сашко, в нашей дивизии командиры сплошь русаки, я у него узнавал, потому на время забудь нашу мову. А то в нарядах настоишься.

— Хорошо, учту. А как на фронте, что он тебе говорил?

— У нас тут всем заправляет генерал Зайончковский. Видать, мы на германца пойдём.

— Много здесь врагов?

— У австрияков крепкий кулак. Против нас и ландштурменная бригада, и ландверная дивизия, и кавалерийская дивизия, и

пехотные части, да ещё и польский легион. Да по всему фронту кайзеровцев не счастье. Земляк уверен: быть крупной заварухе.

Сашко и Степан стали не разлей вода после того, как они рассказали друг дружке о своих зазнобах на родине, о семьях. Оказалось, Хмелько прекрасно владел чешским языком, его отец родом из Чехии и совсем молодым парубком подался на заработки в Россию, не хотел быть под игом австрияков. Судьба привела его на Житомирщину, он женился на местной дивчине, и, пойдя в приймаки, взял себе и фамилию молодой своей суженой, решив, что так оно среди чужого народа надёжней, меньше всяких вопросов и придинок. Стёпка настоящий мастеровой, кузнец от бога, да ещё и бондарь. Он и начал учить Сашу своему родному языку, а тот учил друга польскому. Миланюк владел им почти в совершенстве, поскольку с отцом вращался в кругу польских купцов, и даже они как-то возили обоз с прекрасной пшеницей в Варшаву. Оттуда вернулись не с пустыми руками: вместе с подаунками семье и родичам привезли на продажу несколько штук тканей на платья, себе добротную обувь, цивильную одежду, чудные сервизы, а ещё в отдельной подводе – знатные литовки и детали для мельнички. И, конечно, европейские конфеты и печенье – редкость в их селе. О, как той сладости радовались и дети, и взрослые. Зажмуришься, а они тают во рту. Это самое сладкое воспоминание на долгие годы.

Шли фронтовые будни. Молодые солдаты, конечно, и понятия не имели, в каких боях придётся участвовать войскам их Юго-Западного фронта. Более двух месяцев, с 22 мая по август шестнадцатого года, бились русские с немцами. Места украинцам армии Зайончковского знакомые – Корец, Ровно, Луцк, Владимир-Волыньск. То была часть Полесья, карта которой испещрена лесочками и болотистыми низинами. На север от железной дороги на Сарны и Ковель глухая заболоченная и лесистая низменность, где резво катят волны Горынь, Стирь, Стоход...